

СПОРТ НА КЛАВИШАХ

«Конкур... имени Рахманинова завершился»

Анатолий Агамиров

В МОСКВЕ закончился Международный конкурс пианистов, приуроченный к двум рахманиновским юбилейным датам: 120 лет со дня рождения, 50 лет со дня смерти великого русского композитора и пианиста. Можно по-разному относиться к авторскому наследию Рахманинова. На Западе, во всяком случае, это отношение было неоднозначным буквально с момента отъезда Сергея Васильевича в эмиграцию.

После первой мировой войны сильно изменились и музыка, и вкусы ее потребителей. Русские перевернули сознание мира не только в 1917 году. Они фантастически изменили взгляд на все виды искусств. От балета до фотографии. На фоне общего «броска» в авангард, где беглецы из России, а также дальновидные представители ее, покинувшие гибнущую Родину еще в мирное время, играли роли только первых скрипок, музыка Рахманинова тоскливо и неприятно напоминала о временах, которые никогда больше не вернутся. И хотя сам великий композитор был человеком весьма широких взглядов и вкусов своих никому не навязывал, он не мог быть модным автором там, где возникал самый яркий пласт музыкальной жизни XX века — джаз, его самовыражение не воспринималось там, где изощренными душами владели Стравинский и Барток, Шёнберг, Прокофьев.

Как автор, этот ностальгический певец погибшей, невозвратимой России был практически никому не нужен. Он это знал. Знал также, что музыку его воспринимают только тогда, когда он играет или дирижирует сам. В довершение трагической судьбы Рахманинова музыка, написанная им после эмиграции, а также многие сочинения, написанные до нее, почти что не исполнялись на Родине по соображениям идейным, т.е. от искусства бесконечно далеким.

С года 1920-го по 1943-й, т.е. до самой смерти, ему поклонялись, им восхищались только как пианистом. Он много играл и чужие произведения, играл замечательно, абсолютно по-своему, дирижировал же только свою музыку

и то крайне мало.

Все эти обстоятельства привели к тому, что за пределами России, кроме ограниченного круга специалистов, Рахманинова почти никто по сию пору только как величайшего исполнителя XX века. На этом строится вся мемуарная и околоследовательская литература на «других берегах».

И вот в 1993 г. в Москве проводится Международный конкурс пианистов имени С.В. Рахманинова, долженствующий по крайней мере возродить интерес к музыке великого композитора и пианиста. Может быть, это мое личное восприятие, но другой причины я по крайней мере не усматриваю. Сегодня «в подлунном мире» существует множество конкурсов, способных выявить молодые таланты с той или иной степенью объективности. Многие конкурсы, такие, например, как состязания в Париже, Брюсселе, Берлине, Форт-Уэрте, имеют солидные репутации и устойчивые результаты. Существуют многочисленные фонды, созданные для поддержки вновь открытых талантов. Необходимо также подчеркнуть, что наш родной, любимый конкурс им. П.И. Чайковского тоже имеет добрую славу, несмотря на перманентные драматические коллизии, которые на нем разыгрываются. Это всегда драматическая дуэль между публикой и жюри, а результаты отменны. Даже с учетом явных просчетов и намеренных судейских ошибок. Что и говорить, конкурсы музыкантов-исполнителей уже в силу своей спортивности не лучший способ выяснения музыкальной истины, хотя участь молодых глadiatorов-конкурсантов всегда щекошет нервы публике и волнует кровь профессиональных болельщиков.

Жюри, как правило, винить трудно. Даже если оно состоит из одних блистательных музыкальных имен и при виде их носителей зал встает, вкусовщины здесь не избежать. Любая яркая индивидуальность имеет собственное суждение о том, как нужно играть ту или иную музыку. Поэтому единое мнение чрезвычайно труднодостижимо, а когда оно вырабатывается, то это усредненный стереотип. Эти мрачные мысли приходят в голову не только мне, я почти точно пересказываю то, что говорили вслух при мне Ие-

гуди Менухин, Исаак Стерн, Владимир Ашкенази. Последнего, кстати, необходимо было пригласить в жюри на конкурс Рахманинова, так как он сейчас один из лучших интерпретаторов творчества человека, имя которого свято для страдающей русской музыки.

В этой связи спешу сразу сообщить свое особое мнение. Первый Международный конкурс пианистов им. Рахманинова был изначально задуман и организован плохо. До 1993 года он несколько раз проходил как внутренний. Переносить же условия конкурса внутреннего на конкурс международный просто нелепо. За примером ходить недалеко. По условиям конкурса на втором туре нужно играть ансамблевые произведения Рахманинова или аккомпанировать романсы. Если фортепианное наследие Рахманинова достаточно известно, то обязательный репертуар для второго тура за пределами России звучит крайне редко. Таким образом хорошая, с профессиональной точки зрения, идея гасится на корню. А поскольку сейчас все мало-мальски приличные пианисты потянулись в дирижеры, то почему бы на конкурсе им. Рахманинова не сделать дополнительный тур, где участники будут дирижировать? Сергей Васильевич делал это отменно. Не беда, что конкурс при этом будет походить на Олимпийские игры имени Рахманинова, зато сколько дополнительных страстей! Ведь дирижерство — дело темное, как говаривал И.А. Римский-Корсаков.

Мы услышали и увидели музыкальное состязание, предельно далекое от объективности. В Москву приехала половина участников, давших предварительное согласие состязаться. В жюри доминировала профессора Московской государственной консерватории, что предопределяло победу на своем поле. И жюри, и участники, и малочисленная публика в зале чувствовали, что являются свидетелями или действующими лицами плохо организованного фарса, не имеющего настоящей художественной ценности. На все это взирал и в Большом театре, и в Большом зале консерватории намалеванный рукой бедолаги-художника портрет Сергея Рахманинова в галстук и наглухо за-

стегнутом пиджаке, лицо протоколно-злобещее и левый глаз косит. К слову сказать, Рахманинов терпеть не мог галстук, приватно носил рубашки-апаш и спортивные пиджаки в талию. Любил играть в теннис и хорошо водил автомобиль. Не чурался, как известно, вина и общества хороших женщин. Так что и портрет неуместен, и спорт на клавишах — этакое многоборье, к которому понуждали участников конкурса, — не отвечали строгим требованиям художественного вкуса.

Солидным делом то, что мы слушали в конце января и начале февраля в Большом зале Московской консерватории, никак не назывешь. А вот цинизма юным творческим душам организаторы и жюри добавили сверх всякой меры.

Еще раз хочу отметить: уровень фортепианного исполнительства на конкурсе был достаточно низким. Хотя обладательница первой премии Ольга Пушечникова вполне успешно сопротивлялась в третьем туре неприятию оркестра под управлением Вероники Дударовой, уже второй призер Максим Филиппов отторжения оркестра преодолеть не смог. Высшее место у иностранных участников — четвертое, да и было-то их предельно мало. Кто мог, приехал из самого ближнего зарубежья. И все же четвертая премия — у японской пианистки Хидеи Харада. А так все по-домашнему. Московское консерваторское жюри себя в обиду не дало. Первое место у студентки декана фортепианного факультета профессора Сергея Доренского, второе — у студента профессора Веры Горностаевой. Третье отдали в Петербург, четвертое — в Японию. В общем, как пели до отъезда С.В. Рахманинова в эмиграцию в кабаре «Альказар» (там теперь находится кинотеатр «Москва»):

Мы яровое убрали
И убрали траву
Сэ прэ жоли,
Сэ прэ жоли,
Коман ву портэву?!

Все в порядке, господа. Поздравляю вас с окончанием музыкального дерби, носящего святое для каждого любителя русского искусства имя.